

К 225-летию А. С. Пушкина

Геннадий ДОРНИН

ПРОЩАНИЕ С БОЛЬШОЙ МИХАЙЛОВСКОЙ

Уральская мозаика

Уроженец Уральска, известный казахстанский писатель и журналист Геннадий Доронин, член союзов писателей Казахстана и России, в своих очерках не раз обращался к пушкинской теме, что и понятно: поездка Пушкина в Оренбуржье для сбора материалов к «Истории Пугачёва», его трехдневное пребывание в Яицком городке, написание повести «Капитанская дочка» из истории Пугачёвского бунта являются фактом неизбывной гордости для каждого уральца и казахстанца. «Пушкинская дорога» Доронина естественным образом приводила его к памятным пушкинским местам Москвы, Петербурга, Пскова, Святогорья, Великого Новгорода, где не раз скользил пушкинский возок по пути из Петербурга в Москву, к многочисленным поездкам по окрестным станицам, следуя из Оренбурга в Уральск... И, конечно, Пушкин создает атмосферу Уральской мозаики «Прощание с Большой Михайловской», главы из которой мы предлагаем читателям «Простора».

Я просто помню...

Так получилось, что в молодые мои годы я жил на главной улице Уральска или в двух шагах от неё. Вольно или невольно, но эта Большая улица вплетена в ткань моих нынешних заметок. Кто-то наверняка спросит, народ у нас дотошный: а почему, собственно, «Прощание с Большой Михайловской»? Уж не задумал ли автор эмигрировать в счастливую на телевизионном экране Европу или даже махнуть под сень раскаленных на солнце дубайских небоскребов? Ответить постараюсь просто, если смогу: можно бесконечно прощаться с тем, чего давно уже не существует, но невозможно проститься. Не потерять того, что утрачено... Тогда попросят объяснить, почему не «В поисках Большой Михайловской»? Так я её никогда не терял, она навсегда со мной.

Я пытаюсь дотронуться до того, к чему еще можно прикоснуться, что еще можно увидеть, услышать то, что еще звучит, но постепенно растворяется, как утренний туман. Я не печалюсь об этом: я просто помню...

В первые послевоенные годы самые лучшие новогодние представления в Уральске проходили в зале, расположенном на втором этаже знаменитого дома Карева. Некогда, до Октябрьского переворота, здесь располагался Коммерческий клуб, и бывали тут и блестящие балы, и концерты, и новогодние праздники проходили шумно и весело.

Спросите, а чем еще знаменит дом Карева? Не знаете? Придется коротко напомнить его историю, которую я слышал некогда из уст замечательного краеведа Бориса Пышкина. Кстати, Борис Борисович долгие годы работал в стенах каревского дома, в котором располагалась одно время редакция областной газеты «Приуралье». Борис Борисович был великолепным рассказчиком, казалось, что он сам являлся свидетелем всех тех событий, о которых рассказывал. Невозможно было не заслушаться.

Итак, один уральский богачей, степной миллионер Овчинников в девятнадцатом веке выстроил себе на пересечении улицы Мостовой и главной улицы города – тогда она называлась Большой, или еще точнее – Большой Михайловской – двухэтажный особняк с большой террасой. Как-то позвал он в гости Александра Тимофеевича Карева, купца, толстосума. Сидели они на террасе, пили чай, а молва говорит, что коньяк. Хозяин дома не удержался, принялся хвастать:

– На этой террасе солнце не уходит с утра до самого вечера, так удачно она расположена. Мостовая одним концом упирается в Чаган, а другим – в Урал... Так что весь простор рядом.

Тут взыграл коньяк в жилах купца Карева.

– А я тебе закрую солнышко! – сказал он. – Не будешь хвастаться!..

Много ли времени прошло, мало ли, но начал Карев грандиозное по тем временам строительство – как раз напротив особняка с террасой.

Слов купец на ветер не бросал, как большинство тогдашних купцов. Говорили, что в известь, которую гасили годами, добавляли яичные желтки, что кирпич использовался особый, звонкий, как сталь... Правда это или додумки придумки, но только стало подниматься невиданное прежде в Уральске здание. Поговаривали, что этажей в нем должно быть шесть или даже семь. По тем временам – небоскреб, говорю об этом без всякой иронии. Однажды Карев сорвался с лесов строящегося дома, молва утверждала, что не без помощи людей из особняка напротив. Спасла купца зацепившаяся за гвоздь поддевка.

Борис Пышкин говорил, что дом достраивала жена Александра Тимофеевича. Поднялся он всего на три этажа, но какие это этажи – с трехметровыми потолками, высоченной, поставленной огромным шатром кровлей! Хотя тень от него всё-таки не на целый день прикрывает особняк Овчинникова, который тоже сохранился до наших дней, но перестроен, перекоен, исчезла терраса...

А вот патриарх уральской журналистики, мой старший товарищ, замечательный рассказчик Юрий Ильич Асманов в своей книге «Записки старого газетчика» рассказывает эту историю несколько иначе. Он пишет, что и Овчинников, и Карев были людьми набожными, а всякое бахвальство считалось тогда большим грехом. С самого начала строительства Карев собственноручно принимал в нем участие – сначала подсобным рабочим, а потом уж каменщиком. Он был ухватистым, оборотистым человеком, любителем всяких новшеств. Не без его участия в городе засветились первые электрические лампочки. Зять Карева, сын заводчика Винклера, запустил первую в округе электростанцию, мощности которой хватало не только на нужды двух кинотеатров, множества магазинов, большого доходного дома, но и на сотню фонарей на Большой Михайловской и Большой Садовой улицах.

Дом Карева и сегодня является украшением города. Чего только не видели эти вековые стены! Первый этаж занимали большие магазины, на третьем располагались номера... В гражданскую войну в стену дома угодил артиллерийский снаряд, его извлекли только в двадцать первом веке. В годы

Великой Отечественной войны в доме находился большой госпиталь, потом много лет располагались редакции областных газет, местная филармония...

Ну и, конечно же, в великолепном по акустике зале проходили пышные балы, новогодние утренники, концерты... Скажем, «Бал тысячелетия» в 2000 году проходил именно здесь.

Но есть в Уральске дом и познаменитее каревского. Многие мои друзья детства были записаны в различные кружки Уральского дома пионеров. Во времена моего детства и юности он находился в здании на пересечении бывших Большой Михайловской и Форштадской, а потом перебрался в самый знаменитый в Уральске дом, который всем известен как Атаманский.

Я последовательно пробовал себя в кораблестроительном, радиокружке, литературно-творческом... В кораблестроительном, помню, руководителем был отставной какой-то моряк, в форме, с бескозыркой на голове. Мы не столько строили модели эсминцев и крейсеров, сколько пели «Варяга». Моряк настаивал, чтобы пели его дважды за два часа занятий, но не всегда получалось. Но и сегодня я помню: «Врагу не сдаётся наш гордый...»

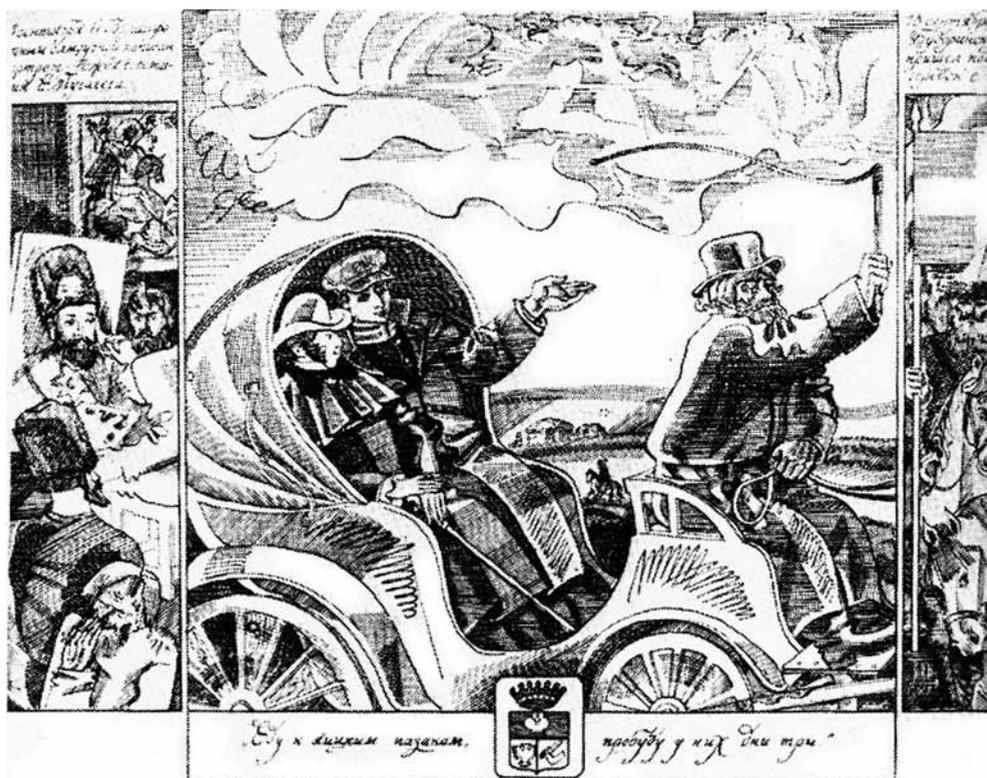
А литературно-творческий кружок собирался в крошечной комнатке рядом с подсобием актового зала в доме, в котором в 1833 году останавливался Александр Сергеевич Пушкин. Честно скажу, что тогда, в детстве, этот факт не воспринимался как нечто небывалое. Ну, есть поэты, и есть дома, в которых они время от времени бывают – что в этом особенного? Это сегодня буквально мороз по коже пробирает, когда представляю, что, может быть, я читал друзьям свои неуклюжие подростковые сочинения за столом, на котором были написаны строчки «Осени»?

И потому теперь, конечно, о Пушкине... Сам себя уговариваю: стоит ли прибавлять к лавине высокоумной пушкинистики и мои, более чем скромные, строчки? Но Пушкин был в моем Уральске, а значит, теперь можно и так сказать – в нашем с ним Уральске: он тут дышал, говорил, поднимал бокал, когда казачьи офицеры провозглашали за него тосты, он здесь существовал... Дом, в котором он прожил почти три дня (не так уж мало по меркам его короткой жизни), в двух шагах от того дома, где я родился, рос – и это факт моей жизни, для кого-то пустячный, для меня – важный... Я не мог не написать о Пушкине, не мог... То, что у меня получилось, можно назвать фантазиями на основе фактов.

Эй, Савраска!..

Пушкинисты, пушкиноведы, всякие дотошные исследователи подсчитали, что за свою жизнь Александр Сергеевич проехал не менее сорока тысяч верст. То есть, знатный путешественник. Некоторые утверждают, что поэт по преодоленным расстояниям превзошел самого Пржевальского.

Жизнь Пушкина исследована практически по дням, часам даже и минутам. Вот вам его письма, вот воспоминания друзей и даже врагов, вот донжуанский список поэта. Пришла пора мелочей, которые, впрочем, не совсем и «мелочи». Вот пытаюсь представить себе облик поэта, но как-то не очень получается, как будто из его портрета по неведению ли, небрежению ли стерли важные штрихи, и на их месте образовались белые пятна. И, думаю, так с каждым происходит. Как ластиком прошлись. Правда, на этом месте постарались беллетристы, с-налета-исследователи, написаны горы романов, повестей, рассказов, гипотез, где домыслено и придумано такое, такое! Один

А. Гурьев. «Пушкин и Даль по дороге в Уральск»

автор даже «довозит» Пушкина до теперь переименованного Гурьева – и дальше в Букеевскую орду на встречу с Махамбетом. Допускаю, что Пушкин немало хорошего слышал о Махамбете, может быть, и был знаком с его творчеством – тот же Даль наверняка рассказывал ему о нем, – но всё-таки в Гурьеве-Атырау поэт не бывал.

У меня такое ощущение, что чем больше гора писаний о Пушкине, тем размытее его портрет. От яростного борца с царизмом до радетеля империи, от сурового обличителя нравов высшего света до бабника, готового волочитьсся едва ли не за каждой юбкой. Может, это и хорошо? Каждый выбирает Пушкина себе по душе? Или – по росту? У каждого он свой?..

Произношу «Пушкин», и время от времени возникает нечто памятникобразное – в граните, в крайнем случае – в гипсе. «Я памятник воздвиг себе...» Или что-то среднее из портретов Кипренского, Тропинина, бронзы Опекушина...

Как оживить его, чтобы он принялся хмуриться или, наоборот, смеяться над последним анекдотом? Чтобы услышать его голос, рассмотреть блеск его глаз, увидеть, как он досадливо отмахивается от позднего сентябрьского шмеля, зависшего над коляской, подъезжающей осенью 1833 года к фасаду Атаманского дома?..

Существует огромное множество деталей, штришков, пустячков, которые пушкиноведение вряд ли принимает в расчет, а мне интересно. Ну, например, подъехав к этому самому дому наказного атамана, с какой стороны коляски вышел поэт? Скажете, со стороны фасада здания, где наверняка его встречали Василий Осипович Покатилов, Федот Григорьевич Бизянов, Стахей Дмитриевич Мизинов и другие офицеры. А я могу предположить, что Пушкин

вышел как раз с противоположной стороны... Тут всё дело в розе ветров и знаменитой уральской пыли. Пыль эта, серая, невесомая, мелкая, как пепел, подолгу висела над улицами провинциального городка после проезда экипажа. После дождя она превращалась в грязевые топи и хляби, которые так поразили в Уральске молодого Шалыпина даже в 1891 году (а что уж говорить про тридцать третий), что он не забыл об этом в своих воспоминаниях: «...мы поехали в Уральск, поразивший меня обилием грязи и отсутствием растительности...»

Мы помним, что сентябрьский день, в который Пушкин добрался до Уральска, был светел, значит, пыль, если доверять нынешней розе ветров (а она изменилась?), должна накрыть остановившуюся коляску слева по её движению. Значит, Пушкин вышел из экипажа справа, и на плечах его суконной шинели, тем более на бархатном её воротнике, серебрилась уральская пыль. А скорее всего, он сидел несколько минут в экипаже, пережидая, когда она оседет. Выйдя справа, поэт сначала разглядел прохожих или проезжих уральцев, а потом уже и высокое начальство. И горожане имели возможность лучше рассмотреть визитера – кто такой, видать, знатная птица?.. Пойдите, пойдите, а не знаменитый ли это столичный сочинитель, пиит – Пушкин? А это кто с ним? Владимир Иванович Даль? Нет, а кто это?.. А кто третий, который представляет Пушкина генералом?..

Уральский писатель, ученый Николай Щербанов предполагает, что попутчиком поэта из Оренбурга был отнюдь не Владимир Даль, а вполне возможно – Григорий Силыч Карелин, знаменитый естествоиспытатель, путешественник. Вкратце напоминаю основные вехи его биографии. Еще в 1819 году всесильный граф Аракчеев заметил в нём выдающиеся способности и взял его в собственную канцелярию. Но однажды Карелин в товарищеском кругу позволил себе посмеяться над Аракчевым, о чём, конечно же, было донесено графу. Возмездие последовало незамедлительно, и уже в 1822 году Карелин оказался в Оренбургском гарнизоне. Здесь он начал заниматься ботаникой, зоологией и минералогией и уже не расставался с этими занятиями до конца дней. Он принимал участие в экспедиции в степь для топографических съемок, получил бриллиантовый перстень за составленную им карту земель Букеевской орды, совершил экспедиции на Тобол и к Каспийскому морю. В 1833 году был назначен начальником работ по устройству укрепления на восточном берегу Каспийского моря, названного Ново-Александровским, – всех деяний Карелина перечислять не стану, добавлю только, что это был подлинный исследователь, знаток степи, ведь недаром в начале тридцатых годов он был принят на службу в Министерство иностранных дел и назначен состоять при хане Букеевской орды.

В 1845 году он вышел в отставку и поселился в своей подмосковной деревне, но спустя семь лет вернулся и до смерти своей прожил в тогдашнем городе Гурьеве, занимаясь собиранием зоологических коллекций. Он был необыкновенно остроумен, веселого нрава, легок на подъем. Если он на самом деле, по предположению уральского ученого Н. Щербанова, был попутчиком поэта, то лучшего собеседника Пушкину в тех краях было не найти.

Ну, а третий, кого могли увидеть уральцы в экипаже – на козлах, это слуга Александра Сергеевича, о котором он пишет жене: «Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, пьет мою мадеру, ест мои холодные дорожные рябчики, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом». В Оренбурге он так и доложил: «Генерал Пушкин изволил приехать!» Как же

тогда представил поэта в Уральске этот любитель холодных рябчиков? Может, графом? Или князем?..

Мелочь? Меньше, чем мелочь?..

Тогда другой вопрос: на чём путешествовал Пушкин: на тройке, о двуконь, а может, в возке, запряженном одним савраскою?

Конечно же, все свои сорок тысяч верст он преодолевал в разных экипажах, а иногда и верхом; он был прекрасным наездником. Поэтому сузим вопрос: на чём он приезжал в Уральск в сентябре 1833 года (по новому стилю – в октябре)? Мне довелось прочитать десятки исследований краеведов, подчас с такими красочными деталями, как будто, по меньшей мере, они присутствовали при этом; подчас даже перечисляются поданные за обедом блюда, но редко кто из них обращал внимание на коляску поэта (или карету?), на лошадей, которые привезли к нам дорогого гостя. Может, мне просто не повезло, и таких исследований – пруд пруди? В таком случае добавим свою каплю в этот пруд. Сразу оговорюсь, что некоторые предположения, приведенные в этих записках, – не более чем плоды воображения, но основанные на известных фактах. Вы вольны сделать свои выводы.

Наверное, начнем с того, что в Петербурге Пушкин брал лошадей напрокат, у него не доставало средств завести собственный выезд. Хотя в доме, где тогда жил Пушкин, была конюшня. В 1836 году каретных дел мастер Дриттенпрейс изготовил для Александра Сергеевича карету – за 4150 рублей. При этом уточняется – «последнюю карету». Значит, были и первые кареты? Докупить к ней собственных лошадок камер-юнкер не смог – не по карману. Нанимали лошадей на стороне, четверка их обходилась 300 рублей в месяц. Отдельно платили конюхам, возничим. Собственные лошади были дешевле. Но здесь имели значение не только соображения экономии: на «казенных» лошадях езда быстрее, хлопот меньше. Добавлю, что Пушкин так и остался должен каретному мастеру Александру Ивановичу Дриттенпрейсу за покупку четырехместной кареты. Долг после гибели поэта погасила опека.

Кстати, и пушкинский герой – Евгений Онегин не имел своего выезда и нанимал ямскую карету, которую можно было брать на день на извозчицкой бирже. Трудно представить, чтобы современный «молодой повеса», вхожий в великосветские салоны, не имел своего автомобиля. Вспомним, что раненый Пушкин был повезён с места дуэли на санях извозчика, а потом пересажен в карету, которую послал не кто иной, как старший Геккерт.

Если мы согласимся с тем, что с Пушкиным в его поездке от Оренбурга до Уральска было еще как минимум два человека, то можем представить, что это было довольно вместительное средство передвижения; а еще багаж, а еще провизия. Кстати, провизия – это не только «холодные рябчики». Вот как, например, запасались едой на дорогу в Москву Ларины:

*Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого добра.*

Поэт, скорее всего, не вез кастрюльки и стулья, даже и клеток с петухами не захватил с собой, но, думаю, было у него порядочно прочих вещей. Ска-

жем, те же подушки, которые были украдены у него в 1834 году, медвежья полость («медвежий ковер»), которую жулики оставили «за недосугом».

Пушкин вез с собой и книги, а нередко в дорогу брали и оружие – на случай, если лихие люди заступят дорогу путешественнику. Тем более что ехать предстояло в край, где чуть более полувека назад полыхала крестьянская война и никогда не погасала бунтарская искра. Так что бричка исключалась, наверное, это и не кибитка. Может быть, коляска – барская повозка с половинчатым верхом и на пружинах? Некоторые авторы утверждают, что поэт всю дорогу – от Санкт-Петербурга до Оренбурга, до Уральска и дальше – до Болдино – проделал именно в своей коляске.

Многие художники, в том числе и наши казахстанские, изображают поездку Пушкина в Оренбург и Уральск в открытом экипаже, как некую прогулку, пикник в легкой тележке, в которую впряжены огнедышащие гривастые кони. Художники полюбили изображать поэта одного или с Владимиром Ивановичем Далем, на облучке сидит, конечно, возница; слуга, должно быть, в это время бежал за экипажем поодаль. Мужик, нечего его во внимание принимать. Или, может, он так достал поэта, что тот продал его в Оренбурге, ведь до отмены крепостного права оставалось еще двадцать восемь лет?

Но не забудем, что на дворе последняя декада сентября, а по новому стилю – начало октября – не самое подходящее время для путешествий в открытом экипаже. А по выезду из Уральска вообще пошел снег. Остается карета и дилижанс. Ну, дилижанс, или иначе – належанец, лежанка – многоместная крытая почтовая карета – очень громоздка. Зимой в ней было четыре места для пассажиров, летом – шесть. Да и ходили дилижансы в основном между крупными городами, вначале – с 1820 года – между Санкт-Петербургом и Москвой.

Вообще, способов передвижения тогда было немного. Самый дешевый и самый медленный – в личном экипаже, со своим кучером, на собственных лошадях. Лошадей приходилось останавливать для отдыха и кормления.

Второй способ – езда на почтовых, или перекладных, был возможен на почтовых трактах, иначе говоря – на дорогах с движением почтовых карет и станциями, расположенными верстах в тридцати-сороках одна от другой. Для такой поездки требовалось выписать подорожную. Путник добирался до ближайшей почтовой станции и предъявлял станционному смотрителю подорожную. Его регистрировали. Так что незамеченным не проедешь. В подорожную вносились маршрут, чин, звание путника (от этого зависело количество лошадей). К слову, Пушкин в 1820 году имел чин 10-го класса – коллежский секретарь – и мог тогда получить только двух лошадей. Данные подорожных, например, о выехавших или въехавших в столицы господах публиковались в газетах. Были пассажиры – фельдъегери и курьеры – которые получали лошадей на станции вне всякой очереди. Это приводило к тому, что обычному путешественнику часто приходилось просиживать на станциях долгое время.

Обо всём этом можно узнать в доброй сотне изданий. Но Пушкин был особым пассажиром, едущим по дозволению самого императора, и, думаю, ему препятствий на станциях не чинили. И он ехал быстро. Скорость тогда была такова: зимой не более 12 верст в час, летом – не более 10, а осенью – 8. В сутки обычно проезжали 70-100 верст.

Так что, скорее всего, Пушкин передвигался на карете, нанятой в столице. Но лично я не исключаю, что Александр Сергеевич мог вместе со слугой двигаться на почтовой тройке. Хотя как будто сам поэт называет средство

своего передвижения: «А уж чувствую, что дурь на меня находить, я и в коляске сочиняю; что же будетъ въ постеле?» Всё-таки в коляске?.. Но мог ли Пушкин так назвать карету, возок?.. Имея в виду, что он сочиняет на колесах? Вполне, тем более что он в разных местах называет свое средство передвижения «тройкой», а то и «кибиткой».

Здесь попутно напомним читателю о том, как мог поэт сочинять в экипаже. Конечно же, при этом он пользовался не гусиными перьями. У него были графитовые карандаши, которыми сделаны записи в записных книжках поэта, некоторые черновые наброски и рисунки... Два слова о бумаге: в пушкинские времена в России производилось более 20 сортов бумаги: несколько сортов писчей, почтовая, голландская, картонная, обойная, цветная, нотная, книжная, пергаментная и др. Наиболее ходовыми были писчая, печатная и оберточная бумага. Поэт, скорее всего, пользовался писчей. В 1830 году он впервые попробовал в работе стальные перья, но вернулся к скрипучим гусиным.

Однако, вернемся к пушкинской дороге. В своей книге «Приняли меня славно» писатель, краевед Николай Чесноков сообщает: «В отличие от обычной российской ямской службы (появившейся в Уральске позже) в Уральском казачьем войске действовала так называемая передвижная "подводная гоньба" от слова "подвода" – телега... Известно, что казачья подводная гоньба была самой быстрой и надежной... днем и ночью в любую погоду были наготове свежие и быстрые лошади...» Но эти сведения в основном касаются организации передвижения, а не типа экипажа.

Но скорее всего, всё было несколько иначе. Поэт любил лошадей, исследователи его творчества подсчитали, что он упоминает лошадей в своих творениях 579 раз. Но приехал в Уральск на невзрачных с виду животных. Вы не забыли, что лошади на станциях менялись через каждые 30-35 верст? А значит, можно с большой вероятностью допустить, что экипаж Пушкина везли лошади местных пород. Среди них вполне могли быть животные так называемой «киргизской породы». Вот описание качеств киргизской лошади, взятое из восемнадцатого тома «Полного географического описания нашего Отечества», изданного в Санкт-Петербурге в 1903 году: «По выносливости её можно поставить на первое место среди всех других разводимых в России лошадей; при всём этом она отличается быстротой бега и силой. Сделать быстрый переезд в 100-150 верст в течение 10-15 часов с небольшими промежутками и без корма для неё не представляет больших затруднений; скорость бега у неё в случае нужды поразительная. Благодаря этим качествам киргизская лошадь находит хороший сбыт среди русского населения как ценная рабочая сила...» Уверен, что для почтовых станций закупались и эти выносливые лошади! Я обратился к документам того времени и нашел косвенное (пока только косвенное) подтверждение моему предположению.

Вот записка хана Джангира сенатору Энгелю о скотоводческом хозяйстве и занятиях букеевских казахов, датированная 1827 годом. Письмо объемное, приведу из него только несколько строк: «...в числе однотосячного табуна лошадей бывают резвые скакать, терпящие по обычаю киргизскому подверховой езды с малым кормом и не устают в продолжение 5 и 6 месяцев».

То есть говорится о выносливости этих лошадей, их неприхотливости в корме. И дальше: «Продаются в Астрахани, в ярмарках Булхонской, Новоузенской, Саратовской, Уральской... Хороших лошадей продают по 150 и 140 руб., посредственных – по 90 и 80 руб.». Иначе говоря, лошади из Букеевского ханства продавались на обширной территории края и прилегающих терри-

ториях России и не могли не попасть во внимание станционных зрителей. Не знаю как вам, а мне приятно думать, что Пушкина привезли в Уральск наши местные выносливые лошадки. Интересно, что по состоянию на 14 августа 1834 года число населения Букеевского ханства составляло 109 300, а лошадей у них было 400 тысяч, полтора миллиона овец, 91 000 верблюдов (Из сборника документов и материалов «История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.». Алматы: Дайк-Пресс, 2002).

Заметим, что в конце позапрошлого века в приуральских степях и в камышовых зарослях еще водились дикие кони – тарпаны. Наверняка гены выносливых и неукротимых степных скакунов «проникли» в местные степные породы лошадей, прибавив им выносливости.

Об этом, пожалуй, всё. Никого ни в чем не убеждаю, ни с кем не спорю. В конце концов, говорю о своем Пушкине. У вас, уверен, он другой...

Продолжу свои заметки о Пушкине. Несколько раз мне доводилось осенью проезжать по Старой дороге, по которой поэт двигался в Уральск из Оренбурга, я точно повторил его маршрут в пределах нашего края, я заезжал во все бывшие станицы, форпосты – мне захотелось подышать тем же воздухом, что и Александр Сергеевич.

А несколько лет назад мы предприняли другое путешествие – на автомобиле. Были в Петербурге, Святогорье, поклонились могиле поэта...

Наивная затея, скажет кто-то. Что ж, не спорю... Но, если Бог даст, то постараюсь побывать на этом пути еще раз...

Пушкинская дорога

С Пушкиным я познакомился давно, еще в детстве. У него был такой красивый цилиндр, что меня всё время подмывало спросить – он из картона или настоящий – из черного бархата, фетра или из чего там делали эти неудобные головные уборы в XIX веке? Но Пушкин был такой торжественный, его всё время фотографировали, даже прицеливались в него кинокамерами, а он принимал позу, как памятник в Москве, что даже казалось, будто Александр Михайлович Опекушин, академик скульптуры, бывший крепостной, бывший мальчик на побегушках, когда работал над своим шедевром, имел в виду именно нашего Пушкина – из Уральска.

Еще наш Пушкин был красив, довольно высок, думаю, что значительно красивее и выше оригинала. Поэтому спрашивать о цилиндре – из картона ли он? – было у такой значительной личности неудобно. И потом, Пушкин всё время требовал, чтобы все читали его стихи наизусть, и за это дарил книжки. Пушкин регулярно появлялся на праздничных утренниках, даже на новогодних елках, и, конечно, на праздниках своего имени – в июне, когда родился, осенью – когда приезжал в Уральск, и в поминальный день в феврале, когда его злодейски убил приемный барона Геккерна, язык не поворачивался назвать его Дантесом. Тогда Дантесом был благородный Эдмон – граф Монте Кристо.

Когда Пушкин приставал к детям со стихами, то все читали «Я памятник себе воздвиг...», так что казалось, будто все только и занимаются постройкой себе величественных нерукотворных монументов, а также мерещилось, что великий русский поэт больше ничего и не написал, да и откуда у него время было, если он всё время боролся с проклятым самодержавием, смело говорил царю Николаю Павловичу прямо в лицо, что не держи его царь в ссылке в Михайловском, то Пушкин обязательно бы взял ружье и пошел бы на Се-

натскую площадь. И никто тогда не говорил и, наверное, даже не думал, что ссылка эта, в общем, спасла России поэта.

Потом тот Пушкин из моего детства куда-то пропал, может, его тоже укатали в Михайловское, а может, дальше – в Магадан? Но появился другой, с наклеенными бакенбардами, на всех утренниках он читал сам, чуть шепелявя (неужели Пушкина передразнивал?), и тоже «Памятник». Однажды его даже наградили не то грамотой, не то похвальным листом, хотя до сих пор не знаю, в чём между ними разница.

Пушкиных в Уральске всегда было много – чуть не в каждой школе, в пионерских лагерях, в Доме пионеров. У нас даже в классе был свой, очень похожий, только блондинистый. Но почему-то со временем он стал обижаться, когда его называли Пушкиным.

Я недоумевал: а почему никто не наряжается Лермонтовым, Тургеневым, даже Герценом и Огаревым? Тогда мне объяснили, что Пушкин приезжал в Уральск, а Герцен с Огаревым не приезжали, не собрались. Чуть повзрослев, я спрашивал по-другому: «А почему Толстым никто не наряжается – Львом Николаевичем, ведь он приезжал в Уральск – к своему давнему военному другу, герою Крымской войны Аркадию Дмитриевичу Столыпину? И вообще, мудрец из Ясной Поляны не раз встречался с уральцами, даже с отцом и сыном Логашкиными, которые пришли к нему, чтобы узнать о маршруте, которым можно достичь заповедной и желанной страны – Беловодского Царства. Позднее, кажется, Владимир Короленко передал Толстому книгу Г. Хохлова “Путешествие уральских казаков в Беловодское царство”. Так почему не наряжаться Толстым?» Взрослые отвечали мне непонятно: «Потому, что приезжал к Столыпину...» Не сразу до меня дошло, что Столыпин – не просто друг Льва Николаевича, он еще и отец Петра Аркадьевича Столыпина – того самого, помните «столыпинский галстук»? А еще он наказной атаман, царский генерал, это уж вообще ни в какие ворота!.. С другой стороны, когда Толстой дружил со Столыпиным, советских генералов еще и в помине не было, может, и с ними дружил бы автор «Казак», «Хаджи-Мурата», «Утра помещика».

Не помню я, чтобы наряжались Далем, Жуковским, Короленко, да и многими другими знаменитостями, побывавшими в Уральске, а вот Пушкины не выводились. Запомнился один из последних – он был военным человеком, прапорщиком, и фамилия его – Букреев, а имя Владислав. Его с детства прозвали «Пушкиным», а в 1990 году на международном фестивале двойников он стал его дипломантом. Когда один из ведущих фестиваля примерил на него посмертную маску поэта, Владислав почти физически ощутил слитность с нею. Его лицо полностью повторяло линии маски, только нос оказался чуть короче. Но, наверное, удивительнее всего было то, что Владислав Васильевич писал стихи. Сейчас Владислав живет в Уральске, он уже на пенсии. Его жена – Вера Владимировна прочитала мне несколько стихотворных строчек, принадлежащих Букрееву, которые, при некоторой фантазии, вполне можно отнести к XIX веку.

Кстати, двойники Пушкина были и при жизни поэта. Во всяком случае, те, кого иногда принимали за Александра Сергеевича. Один из них – Александр Львович Элькан, чиновник, аферист и не очень удачливый литератор. Во многих отношениях он был фигурой загадочной. Знал в совершенстве французский, немецкий, итальянский и польский языки, выдавал себя за потомка не существовавшего арабского князя Эль-хана.

Сестра Пушкина, Ольга Сергеевна Павлицева, которая была старше брата всего на два года и поэтому у них была одна на двоих няня – знаменитая

Арина Родионовна – как-то рассказывала своему сыну: «Однажды Элькана на Невском проспекте остановила какая-то дама, только что приехавшая из провинции, любительница отечественной поэзии, из породы так называемых “синих чулков”. Принимая Элькана за Александра Сергеевича, “синий чулок” бросилась к нему со следующим приветствием:

– Боже мой! Как я рада наконец встретить Вас, мусье Пушкин! Как давно стремлюсь познакомиться с Вами, прочесть Вам мои стихи, но никто не может меня Вам представить, и вот я сама представляюсь.

– Вы не ошиблись, – ответил Элькан, – точно так, я Пушкин. Завтра утром буду ждать вас у себя...

Дама на следующий день пожаловала к настоящему Пушкину в гости...

– Знаю, чьи это штучки, сильно Эльканом пахнет, но это ему даром не пройдет, – говорил Александр Сергеевич после её ухода».

Наверное, поэтому с самого детства Пушкин был живым, и несколько даже удивляло, что Орест Адамович Кипренский написал его портрет уже так давно – аж в 1827 году. Да если честно сказать, Пушкин никогда и не умирал, не падал на снег на Черной речке, не угасал у себя в кабинете, окруженный книгами и неутешными друзьями и родичами. Все эти разговоры о метком выстреле того пустого красавчика – вымысел, ну разве не знали мы чуть не с рождения, что Александр Сергеевич со ста шагов попадал в пятикопеечную монету, дрался на дуэлях множество раз и всегда выходил победителем! Он был такой смелый, так дорожил честью своей и своей жены, – он не мог погибнуть от руки этого... этого... в общем, нехорошего человека. И потом, помилуйте, если он погиб в тридцать семь, то кто же написал огромное собрание сочинений в красных с позолотой томах? На обложках имя Пушкина...

Еще его имя навсегда связано с праздником, торжеством, даже карнавалом, потому что в Уральске карнавалов без Пушкина не бывало.

А в июне, шестого числа, к бюсту поэта, установленному около педагогического института, начинали подтягиваться люди. Сначала какие-нибудь начальники с казенными венками и казенными речами по бумажке, и пионерами, встававшими в почетный какой-то караул (чего они караулили, до сих пор не пойму!), потом приходили от каких-то организаций – с бумажными венками, но уже без речей, затем появлялись преподаватели пединститута, который тогда носил имя поэта; из скудной своей зарплаты они всегда вы-

А. Гурьев. «Лирика Пушкина. Муза»

краивали рубли на живые цветы, и у подножья памятника читали его стихи. Да, Боже мой! – какие стихи, не из учебника!

*...Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.*

Как будто из святого писания строчки: «печаль моя светла»! Печаль... светла... полна тобой...

Ну а к вечеру, когда июньские сумерки превращали тени от акаций и сиреней в темные, таинственные гроты, к Пушкину приходили местные поэты, которых в Уральске всегда приходилось на душу населения даже больше, чем дворников и милиционеров вместе взятых. Не потому ли, что Кастальский ключ бьет где-то в окрестностях Ханской рощи? Или над ярами Бухарской стороны?

*В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ – холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.*

Поэты, конечно, торжественных речей не говорили, доставали портвешок, полкружка ливерной колбаски, пили прямо из бутылок, закуской не злоупотребляли, говорили о Пушкине как о старом дружке: «Силен был, бродяга!» и читали свои собственные сочинения о Пушкине, об осени, о любви.

Валентин Бузунов:

*...Я поджигаю старый, звонкий лес
Коротким, быстрым, хладным словом
Осень.
Он в пламень желтый окунулся весь,
Он жертвенно притих, не дышит вовсе.
Костры его души с собой беру,
Не доверяя никому отныне...*

Татьяна Азовская:

*...Он – только мой! Я на него права
отстаиваю вечным беспокойством,
И смех Его – в моих глазах смеется,
и боль Его – в моей крови жива!
Календари ведут неслышный счет,
и флаг февральский траурно приспущен.*

*Но вольный росчерк –
Александр Пушкин! –
Мне столько лет покоя не дает.*

Владислав Ирхин:

*...Да, я сам возводил тебя в идол.
Но хоть в трезвом, хоть в пьяном уме
Я не видел, не видел, не видел
Тебе равной красы на земле.*

Звучали у памятника и строчки, принадлежащие Григорию Фадеевичу Могутнову. Я помню его, когда он был уже в преклонном возрасте, рассказывали, что он – рабочий человек, нелегко складывалась его судьба. Два его брата были как будто расстреляны казаками за отказ поднимать оружие против советской власти. Ретивая «евтушенкинская» молодежь не очень жаловала стихи Могутнова, но вот уже много времени прошло, и время пощадило эти непритязательные строчки:

*...А рощи красками играли,
Пылали пламенем костра,
В наряде ярком на Урале
Была осенняя пора.
Он – тороплив и озабочен,
Скорей засесть, уединясь.
Мы знаем – Болдинская осень
Еще в Уральске началась.*

Портвейн кончался значительно раньше, чем стихи. Уже и милиционеры подходили справиться: «Всё ли у вас, товарищи, в порядке?», уже и автобусы уходили в парк, а стихи всё не кончались, как не выговориться перед Пушкиным? Навскидку называю фамилии местных поэтов, которые бывали или могли быть у памятника: Степан Балашов, Алексей Кабанов, Касым Атауов, Тамара Шабаренина, Виктор Водолазов, Анатолий Демин, Аркадий Гринюк, Елена Образцова, Михаил Сарин... нет, всех, конечно, перечислить невозможно.

Расходились за полночь, наутро говорили: «С Пушкиным злоупотребили!»

Вообще, Пушкиных было несколько. Нет, не ряженных, а настоящих. Один сидел в скучном учебнике, писал декабристам в Сибирь, обещая им братский меч. О нём прожужжали все уши учителя, заставляя заучивать наизусть про дядю «самых честных правил», выводить в сочинениях образы няни Арины Родионовны да Татьяны Лариной. Этот учительский Пушкин всё время норовил бороться за справедливость и счастье и пасть в неравной борьбе. Его окружал жестокий свет, который только и занимался тем, что травил поэта. И еще там был Бенкендорф, злодей, душитель. Он буквально проходу не давал поэту, строил против него злобные козни. И никто не говорил нам об Александре Христофоровиче – «главном жандарме России», и другое – что этот «реакционер» выступил еще в 1838 году за отмену крепостного права. А в начале 1840-х он проявил себя горячим сторонником строительства железных дорог в России. Бенкендорф отличился и в войне с Наполеоном в 1806–1807 годах. Во время Русско-турецкой войны 1811 года он служил под командованием прославленного атамана Матвея Платова. Во время Отечественной войны

1812 года проявил себя отважным рубакой. Не многие знают, что Александр Христофорович был одним из первых партизанских командиров Отечественной войны. В его отряде бок о бок сражались профессиональные военные и крепостные крестьяне...

Школьный Пушкин казался примерным и правильным, как пионерские сборы, и нередко мы убежали с уроков литературы, отправлялись к городскому бассейну, и если на дворе стояло теплое время года – купались, ныряли... Бассейн этот, однако, для купания не предназначался; это было просто хранилище для воды, откуда она поступала в систему существовавших тогда городских арыков. Но мальчишки города любили бултыхаться именно здесь, чуть ли не в центре города. А потом мы бежали в садик, примыкавший к бассейну, там, на лавочках, обсыхали, наслаждались бездельем. Сквер этот именовался Пушкинским садиком, и там был еще один Пушкин, стоявший в окружении ясеней. У этого памятника вечно околачивались горькие пьяницы, потому что стоял он почти напротив водочного магазина, и какой был соблазн пьяницам посидеть в зарослях у Александра Сергеевича. Они и сидели... Пушкин этот был как бы не главным Пушкиным в городе, вроде запасным – не таким торжественным, не таким официальным. Он был своим в доску для нас, мальчишек, не требовал, чтобы мы отправлялись немедленно в школу, не напоминал о своих заслугах, и мне никогда не приходилось видеть, чтобы ему приносили цветы или около него произносили торжественные речи.

Каждый день около Пушкина прогуливались и больничные страдальцы – в серых халатах и полосатых пижамах, в тапочках на босу ногу, они ждали здесь родичей или друзей, которые передавали им кульки и банки с едой; здесь родным сообщались результаты анализов крови, рентгеноскопии и какой-то цистоскопии. Пушкин спокойно внимал всему этому, как лечащий врач, который знает все тайны недугов своих пациентов, но тайны эти не разгласит.

И мало кто из нас знал в ту пору, что сад этот в Уральске был разбит к столетию со дня рождения Пушкина, что также был открыт тогда в городе «народный Пушкинский дом»... То есть о поэте, приезжавшем в город, вспоминали не только в докладах, но и вершили его именем добрые дела.

На месте одного из корпусов больницы некогда стояла замечательная по архитектуре Крестовоздвиженская церковь, также разрушенная большевиками. А на самом бульваре был устроен «Театр народной трезвости». Но, видимо, он все-таки не выполнил своих задач, если спустя век театра на этом месте нет, а пьяницы никуда не делись?.. Более того, часть бульвара в советские времена занял ЛТП – так называемый «лечебно-трудоустройственный профилакторий», а проще говоря, настоящая тюрьма для пьяниц, куда они заключались, кажется, сроком на два года. Так что, можно сказать, что на одном Пушкинском бульваре сошлись две идеологии: царизм боролся с пьянством посредством открытия театров трезвости, пушкинских домов, советы – запретами, тюрьмами. Не пощажен был даже Пушкинский бульвар; он вообще при власти большевиков сжимался, теснимый всякими строениями, как шагреновая кожа. Сейчас от него остался, действительно, небольшой садик.

Еще один мой Пушкин был прописан в бывшем доме наказного атамана, в котором он останавливался в 1833 году. Об этом извещала и мемориальная доска. Впрочем, рядом висели и другие такие доски – напоминающие о Жуковском, Толстом, Дале... И никакого особого внимания на эти доски я до поры до времени не обращал, как и мои сверстники, как и большинство горожан – мало ли навешено всяких досок, табличек, – чуть не на каждом доме?..

В Атаманском доме в конце пятидесятих годов разместили Дом пионеров, всякие кружки, секции, самодеятельные оркестры и театры. В кружках принялись пилить, паять – строить корабли, самолеты, подводные лодки; ставить концерты, отплясывать молдавански, гопаки; разыгрывать «Горе от ума», «На дне», а мемориальные доски висели себе и висели... и тень поэта не тревожила пионеров и пионервожатых.

Но однажды в одном из уголков здания – в правом (если стоять лицом к фасаду) крыле, был устроен литературный музей, пушкинский музей. Это случилось, кажется, уже в семидесятых годах. Душой музея была Надежда Комарова. Не знаю, как называлась её должность – то ли директор, то ли заведующая филиалом, – ни тогда, ни, тем более, сейчас, это не казалось важным. Важнее было то, что она остро осознавала, в каком же месте расположен её музей. В нём были собраны книжки местных авторов, письма знаменитых литераторов, материалы и документы из жизни заезжих знаменитостей, но главным экспонатом был, конечно, сам музей, сам дом, в котором он располагался. Я к тому времени работал на местном телевидении, часто бывал в музее, мы снимали всякие экспонаты, записывали интервью с посетителями, которые восторгались экспозицией. И однажды Надежда сказала: «Пушкин стоял около вот этой стены».

Я посмотрел на стену, в сторону которой она показала рукой – обычная, выкрашенная в боевой танковый цвет, советская стена в советском учреждении. Но так просто произнесла она эту фразу, так много сумела в неё вложить, что мы с телеоператором уставились на эту стену, как будто ожидали увидеть там Александра Сергеевича. Его там не было, но он был там.

Помню, что меня как будто обожгло: он был там! Уставший с дороги, в пропыленном костюме, с легким запахом мадеры, он видел то же, что и я – эти комнаты, окна, а за их стеклами почти те же самые дома, что и сейчас!.. Старый центр Уральска не очень изменился за последние полтора столетия.

Пушкин улыбался радушно встречавшим его людям: атаману Василию Осиповичу Покатилову, полковнику Федоту Григорьевичу Бизянову, полковнику Стахею Дмитриевичу Мизинову... О них он потом писал жене: «тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду...»

Нет, в этот день его встречали иные, чином поменьше? Может быть, но Пушкин-то был!.. Как угодно может меняться эта картинка: встречали младшие офицеры, может, даже лакеи, но одно в ней всегда неизменно – живой Пушкин. Я мог бы протянуть руку и дотронуться до него, и он в ответ бы только засмеялся: а как же иначе! – на дворе прекрасный сентябрь, над яром, мимо которого меньше часа назад проехала его коляска, разгорается осень, которой суждено стать самой знаменитой в мировой литературе – Болдинской, и вообще жизнь прекрасна, как... как жизнь!..

Не могу объяснить сам себе, но именно в тот год все мои Пушкины словно объединились. Они по-прежнему присутствуют везде в Уральске, попадают на улицах, в библиотеках, музеях, где-нибудь в гостях среди хороших людей; но я теперь знаю точно – всё это один Пушкин, каждый раз разный, и каждый раз один и тот же, и он навсегда во мне. Пушкин – мой!..

Я бросился тогда к книжкам! Боже мой, я ведь ничего этого не читал, не видел, не чувствовал! Как будто у меня в сундуках хранились бесценные сокровища, а я о них не знал!

Я читаю и не могу начитаться:

*Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает...*

Ведь написано в том самом году, той самой осенью!

Потом в разные юбилейные пушкинские годы – и в конце восьмидесятых, и в девяностые, и в новом веке – в 2003 году, когда исполнилось сто семьдесят лет со дня приезда Александра Сергеевича в Уральск, мы с друзьями организовывали нечто вроде экспедиций – по Пушкинской дороге – проезжали по тому пути, по которому проезжал тогда он, – от станицы к станице, от форпоста к форпосту, заезжали в каждый поселок, и всякий раз на этой дороге нас ждал Он. Не сразу объявлялся – за разговорами, шутками, стаграммами его было не видно, но как только начинала над нашими головами кричать чайка, дескать, до Урала рукой подать; или мелькал указатель – вот он форпост Генварцево, где, утверждают некоторые, Он ночевал; или, вдруг, пробивалась отсюда-то забытая песня – «Бывало на Урале ловились осетры, теперя их не стало, куда девал их ты?..» – и отступали внезапно заботы, отпускала суета, – и Он приходил, усаживался рядом на перевернутую на берегу будару, прикусывал травинку, подпирал щеку рукой, даже вроде тихонечко подпевал: «Рыбак сетей навяжет...» И мы понимали – наш Пушкин...

...Потом Дом пионеров перевели в другое здание, музей закрыли, само здание, возведенное итальянцем Дильмедино, едва уцелело, долгое время простояв в реставрационных руинах.

Местные писатели, краеведы, историки не раз высказывались о необходимости открытия в Уральске литературного музея, и не было бы для него лучшего места, чем Атаманский дом, но... но сегодня приходится быть благодарным уже и за то, что дом просто не снесен, как уничтожены в Уральске десятки архитектурных и исторических памятников.

Кто-то прочитает эти строчки и подумает: «Нечего драматизировать, уж на Пушкина у кого рука поднимется!..» Отвечу: вполне может подняться... На протяжении советских лет методично уничтожались памятники, часть которых так или иначе имела отношение к поэту. Не возьмусь даже перечислять их – Казанская церковь, церковь Успения Пресвятой Богородицы... Еще в позапрошлом веке сгорела церковь Петра и Павла, в которой были венчаны Емельян Пугачёв и «крестьянская царица» – Устинья Кузнецова и у развалин которой не мог не побывать поэт (по некоторым сведениям, храм как раз тогда реставрировали). Но уже при советах площадь, на которой стоял храм, как будто в издевку переименовали из Петропавловской в Пугачёвскую. Правда, несколько лет назад здесь установлен еще один памятник Пушкину, да и то в этом заслуга одного из местных меценатов.

Но есть попытки иного рода исказить историю, приспособить её к своим нуждам. Как-то к пушкинскому юбилею одна казахстанская газета объявила – не больше и не меньше – об исторической сенсации. Обозначив свое произведение «версией», она торопится сообщить: Махамбет Утемисов познакомил Пушкина с поэтической легендой «Козы Корпеш и Баян Сулу». И дальше: «...специально этой темой никто не занимался». То есть, если что – мы первые! Не собираясь полемизировать с этой газетой, скажу только, что предположение такое существует достаточно давно. Даже и мне приходилось высказываться о нём в печати. Занимался версией известный уральский ученый-литературовед Николай Щербанов, который не раз отмечал, что она пока не подтверждена никакими более или менее достоверными фактами.

Я просмотрел немалое количество документов, относящихся к 1833 году, и всюду Гурьев именуется Гурьевом, в том числе и Владимиром Далем в своих письмах и работах, а не Яицким городком, как смело предполагают публикаторы. «Версия» газеты во многом опирается на то, что Пушкина в этой поездке сопровождал Владимир Даль. Об этом самом «сопровождении», но только до Уральска, вот уже много лет ломают копья историки, литературоведы. Но, кажется, теперь точка поставлена. Николай Щербанов в своей книге «Поехал я в Уральск...» пишет: «Как ни привлекательна версия о совместной поездке в Уральск великого поэта и великого лингвиста, от неё придется отказаться. Проводив Пушкина из Оренбурга в Уральск 20 сентября 1833 года, Даль занялся неотложными делами... закончил работу над очерком “Письмо к Гречу...”, который и отправил 25 сентября из Оренбурга...». Чуть выше Николай Щербанов пишет: «...мне посчастливилось найти давно искомую авторскую рукопись очерка “Письмо к Гречу”...». Николай Михайлович нашел записную книжку Даля, в которой записан «полный и окончательный вариант очерка и долго искомая запись, предваряющая его: “Письмо к Гречу из Уральска” (отправлено сентября 25. Оренбург)». Эта запись не оставляет сомнений о месте окончания работы над очерком. А это значит, что не рассекал Даль с Пушкиным калмыцкие просторы, не ездил с ним не только в Гурьев и Астрахань, но и в Уральск.

Думаю, что специалисты еще дадут оценку самой «версии», которая, кроме прочего, полна несуразностей. Скажем, восстание «уже запылало в казахской степи» «осенью – зимой 1833 года». Надо полагать, речь идет о восстании, которое возглавлял Исатай Тайманов? Но повсюду указываются несколько иные даты, а именно 1836–1838 годы. Существуют и документы. Вот, например, «Предписание хана Джангира старшине Исатаю Тайманову о запрещении среднеазиатским купцам разъездной торговли в аулах букевских казахов в связи с учреждением ярмарки при Ханской ставке», датированное январем 1833 года. Джангир, против которого, по утверждению автора статьи, уже разгорелось в степи восстание, обращается к Исатаю: «Почтенному старшине Исатаю Тайманову!..» И дальше излагает совершенно бытовое распоряжение, направленное на лучшее устройство ярмарки. Вряд ли бы хан стал подобным образом общаться с предводителем людей, поднявших руку на его власть.

Да, действительно, недовольство в степи тлело с конца двадцатых годов, но восстания тогда никакого не было. А если поверим на секунду газете, то тем более маловероятно, что Пушкина отпустили бы из Уральска в беспокойные места. Хотя тогдашний Гурьев – это только городок, относящийся к отделу Уральского казачьего войска, и там тоже мятежный поэт Махамбет вряд ли смог спокойно встречаться со знатным столичным гостем, да еще и вместе с Далем – чиновником для особых поручений оренбургского губернатора.

Одно «открытие» газетной версии «круче» другого. «Может быть, – спрашивает автор, – ... Даль служил полицейским следователем?..» Иначе говоря, был приставлен стукачом к Пушкину? В другом откровении говорится, что «восемь страниц черновика перевода поэмы (“Козы Корпеш и Баян Сулу”), принадлежащего перу Пушкина, хранятся в музее имени великого поэта в Москве». Не очень понятно, о чем речь. Если о том, что после смерти поэта в его бумагах найдена запись этой казахской поэмы, то там всего пять листов, и запись сделана не самим Пушкиным. Мелочь? Но такие «сенсационные» открытия требуют и точности деталей.

Так много времени я уделил этой газетной «версии» именно потому, что уж очень она привлекательна, я сказал бы даже – желанна. Потому что нам дорога каждая крупница информации о жизни великих поэтов. Но тем бережнее нужно относиться к их памяти; их биографиям не требуются подмалевки. Так ведь можно обнародовать любую версию, например, что Александр Македонский происходил из Младшего жуза – если есть желающие, пусть опровергают.

...Всегда немного удивительно то, как широко празднуются пушкинские юбилеи. Как будто по прошествии 200 лет поэт стал более любим, чем в свое столетие; это мы отмеряем себе дистанцию нашей любви, это мы проверяем себя – всё так ли захватывает дух от божественных, написанных человеком строк:

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом...*

И радостно изумляемся каждый раз: жив во мне мой Пушкин! Душа откликается на него! И в тысячный раз перечитываю эти строки:

*Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса –
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...*

И знаю, что написаны они в том самом «уральском» году, – и верю, и надеюсь, и радуюсь, что Болдинская осень, и в самом деле, началась у нас.

Почти в самом начале Большой улицы в Куренях стоит деревянный дом. В нём когда-то обитала царица... Судьба этой царицы – трагедия почище шекспировских. Долгие годы о ней не любили распространяться или отделялись парой страниц. Уральский писатель Николай Фёдорович Корсунов написал замечательный роман об Устинье Кузнецовой, хотя, конечно, не только о ней. Со страниц книги встает трагическая судьба уральских казаков...

Неразгаданная яикская тайна

Судьба этой юной красавицы взволновала Пушкина. О ней писали знаменитый мемуарист Вигель, десятки известных литераторов. Её жизнь до сих пор служит источником для мифов, домыслов; вся она – неразгаданная тайна, неутоленная страсть... Всего десять дней была она женой, а потом за эти дни любви тридцать три года расплачивалась заточением в каменной башне крепости...

Однако вернемся в тот справный деревянный дом, довольно приметный в Уральске. Такой справный, ухоженный сруб, бревна которого покрыты лаком; сразу видно, что поставлен он не так давно или ухаживают за ним тщательно, не дают ветшать. Если внимательнее присмотреться к ухоженным стенам, то можно различить: некоторые бревна явно старше всего сруба – темнее, замшелее, даже кажется – тяжелее прочих (только потом узнаешь,

что эти бревна из подлинного кузнецовского сруба, который не пощадило время, а паче всего – многочисленные реформаторы). В дом ведет деревянное крылечко, а перед ним вывеска, говорящая о том, что это музей Пугачёва. Считается, что это одна из главных достопримечательностей Уральска, но народа в музее бывает немного. Может, сказывается его относительная удаленность от центра города, может, печальная судьба обитательницы этого дома отталкивает посетителей, а может быть, вообще тяга к старине у жителей города постепенно выветривается, да и неудивительно – в яростные большевистские годы взрывались, уничтожались прекрасные храмы, сносились вековые строения, словно старались стереть даже саму память о прошлом; потом нахлынула волна переименований, переименований – она никак не утихомирится и ныне. Но речь сегодня не только об этом.

...Впервые я попал в этот музей в юности, и помнится, что больше всего меня поразила тогда огромная деревянная кровать, с горкой подушек на ней, а рядом на стене портрет хозяйки этого сооружения. Мне сказали, что на портрете – Устинья Петровна Кузнецова. И добавили: «Крестьянская царица!» После некоторого молчания: «Жена Петра Фёдоровича Третьего...» Я тогда удивился: как могла сохраниться эта кровать, откуда известен облик Устиньи, или это подделка под старину?.. Вообще, в музее немало всякой мебели, утвари – и столы, и черпаки, и чугуны, наверное, их трудно назвать экспонатами, скорее, они призваны создавать антураж восемнадцатого века. Удастся ли это? Наверное, не нужно быть большим знатоком тех времен, чтобы ответить на этот вопрос. Лично мне кажется, что душа несчастной «крестьянской царицы» всё-таки бывает здесь иногда. В этом доме росла уральская красавица, здесь, на самом берегу Яика, прошло её детство, здесь она слышала старинные протяжные песни и, конечно же, даже и предположить не могла, что выпадет ей на веку, что будет она «соперницей» великой государыни, что дойдет в самый Петербург слух о её красе. Да и мятежная душа Пугачёва, наверное, не забывает об этом доме, прилетает сюда. Здесь он был царем, перед ним ломали шапки, здесь он заглянул в ясные глаза Усти...

Пушкин пишет: «Пугачёв в Яицком городке увидел молодую казачку Устинью Кузнецову и влюбился в неё. Он стал её сватать. Отец и мать изумились и отвечали ему: “Помилуй, государь! Дочь наша не княжна, не королевна; как ей быть за тобою? Да и как тебе жениться, когда матушка государыня еще здравствует?” Пугачёв, однако, в начале февраля женился на Устинье, наименовал ее императрицей, назначил ей штатс-дам и фрейлин из яицких казачек и хотел, чтоб на ектенью поминали после государя Петра Фёдоровича супругу его государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрешения от синода. Отказ их огорчил Пугачёва; но он не настаивал в своем требовании. Жена его оставалась в Яицком городке, и он ездил к ней каждую неделю...»

Однако вот какие сведения я получил из музея-крепости «Корела». Научный сотрудник музея Валентина Михайловна Костромина пишет: «Зажиточные казаки решили женить Пугачёва – Петра III на яицкой казачке – семнадцатилетней красавице Устинье Кузнецовой. Сам Пугачёв никакой женитьбы не хотел и пытался отговориться: “Если я здесь женюсь, то Россия мне не поверит, что я царь” (из первого допроса 15 сентября 1774 года). И всё-таки свадьба состоялась в январе-феврале 1774 года. Венчались они в церкви Петра и Павла в Яицком городке. Фактически женой Пугачёва Устинья пробыла 10 дней (из её показаний), а “царицей” – 2,5 месяца. Устинья свидетельство-

вала на допросах, что она довольно часто переписывалась с Пугачёвым, а письма ей писал (из-за её неграмотности) казачий малолеток Алексей Бошенятов. 26 апреля 1774 года её с матерью в числе 220 колодников отправили в Оренбург для допроса».

К этой теме обращался и Вячеслав Шишков в своем знаменитом романе. Но, тем не менее, время от времени рождаются самые нелепые небылицы вокруг этой судьбы. Недавно одна из казахстанских газет написала, что Устинья Петровна была милостиво отпущена из заточения и свою жизнь провела в Гурьеве. Не могу удержаться и привожу строчку из этой, с позволения сказать, статьи: «Более того, к моменту встречи с поэтом Устинья была жива, и ей было 70-80 лет...» Иначе говоря, автор «сенсации» утверждает, что Устинья встречалась с Пушкиным в Гурьеве, хотя даже возраста «императрицы» не знает, а ведь доподлинно известно, что она родилась в 1757 году. В общем, нелепица... Есть и другие публикации, искажающие историческую истину. Всё это побудило меня обратиться в музей «Корела», расположенный в бывшем Кексгольме, ныне Приозёрске, где долгие годы томилась Устинья...

Что за человек она была? Только ли щепочка в грозном потоке истории, только ли неграмотная девчонка, не понимавшая происходящего?

На портрете, который висел в музее в Уральске, изображена красивая молодая девушка в нарядном сарафане. Статная, с гордо посаженной головой... Экскурсовод рассказала, что портрет написала местная художница Богословская в 1969 году, прообразом к нему послужила... внучка художницы, а дополнением – устные описания «царицы», которые давали уральские казаки. Насколько верно это изображение?.. Шишков описывает Кузнецову так: «Пугачёв уселся на сундук, покрытый мохнатым ковром. Он не сразу оторвал свой ожигающий взор от красивого лица Устиньи. Статная, не по летам дородная казачка сидела прямо, грудь вперед, не сутулясь... и перебирала концами пальцев, будто играя, тугую, перекинутую через плечо золотистого цвета косу. С задорным бесстрашием и любопытством смотрела она, не мигая, в лицо государя». У Шишкова Устинья – живая, умная и отважная девушка, не робеющая обращаться к «батюшке царю» с дерзкими просьбами: «– Ах, Устя! – всплеснула руками Даша. – Неужели ж ты к самому ироду Пугачу? – А что такое? – подбоченившись, ответила Устинья. – Я отчаянная, на то и казачка. Да и видеть мне его, царя-то, крайность пришла: Пустобаева старика жалко, ведь он мне двоюродный дед... Вот и упаду в ноги надежи-государя да и завою, завою на-голос. Разжалобится, отпустит старика, еще, может, го-стинцев даст. Он хошь и царь, а слышно, до пригожих баб да девок падок».

Да, точно подмечено. Пугачёв не был однолюбом. Не был он и ангелом с крылышками. Вот что пишет Пушкин: «...Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распорядившемуся казнию её родителей. Пугачёв поражен был её красотой и взял несчастную к себе в наложницы...» Вот так просто – еще не отмыв рук от крови убитой матери Харловой, «Пётр Фёдорович» принялся тешиться с оставленной для этого случая дочерью...

Конечно, во всём сказанном об Устинье Кузнецовой немало художественного вымысла, её образ во многом собирательный, но ясно, что не случайно история указала на эту гордую, смелую девушку...

Обратимся опять к материалам из музея «Корела». Из них известно, что Устинья была арестована 15 апреля 1774 года, содержалась под следствием в Оренбургской и Казанской секретных комиссиях, а с ноября 1774 года в тайной экспедиции сената в Москве. В 1775 году была отправлена в Кексгольм.

А. Гурьев. «Разговор со старым пугачевцем»

Уже 5 января 1775 года в сенции о казни Пугачёва было указано: «... А понеже ни в каких преступлениях не участвовали обе жены самозванцевы, первая – Софья – дочь донского казака Дмитрия Никифорова, вторая – Устинья – дочь яицкого казака Петра Кузнецова, и малолетние от первой жены сын и две дочери, то отдалить их без наказания, куда благоволит правительствующий сенат». В «Указе Ея Императорского Величества» от 9 января 1775 года отмечалось: «Семью Пугачёва содержать в Кексгольме, не выпуская из крепости, давая только в оной свободу для получения себе работою содержания и пропитания, да сверх того производя и из казны на каждого по 15 копеек в день...» Добавлю, что в начале века целая говяжья туша стоила 50 копеек, но, конечно, к последней четверти века цены были несколько иными.

Судьба Устиньи неразрывно связана с судьбой другой женщины Пугачёва – Софьи, его брошенной жены. Почти в то же самое время, когда в феврале семьдесят четвертого года в Яицком городке, в «каменном» доме атамана Толкачева – «дворце» – гуляла «царская свадьба», Софья вместе с сыном Трофимом и дочерьми Аграфеной и Христиной из Зимовейской станицы были отправлены в крепость. Дом Пугачёвых в Зимовейской вообще был сожжён, можно сказать – казнён.

В начале июля 1774 года Софья Пугачёва с детьми была заключена в тюрьму при Казанской секретной комиссии. Оттуда они были освобождены ворвавшимися в Казань повстанцами и отвезены в стан Пугачёва. Некоторое время они находились в обозе Пугачёвского войска. После поражения 25 августа Пугачёв сумел перевезти жену Софью и сына Трофима на левый берег Волги. Они были свидетелями сцены ареста Пугачёва группой заговорщиков

у реки Большой Узень. Оттуда заговорщики повезли арестованного Пугачёва, а вместе с ним его жену и сына, в Яицкий городок.

В сентябре конвойная команда, возглавляемая генерал-поручиком Александром Васильевичем Суворовым, вывезла Пугачёвых из Яицкого городка и доставила их в Симбирск. В ноябре арестантов привезли в Москву. По судебному приговору Софья Дмитриевна и её дети, а также Устинья, были заключены в крепости Кексгольме без права выхода из неё.

Вот так, одну жену мятежник возил с собой в обозе, другой, сам неграмотный и она не сильна в этой премудрости, слал письмо: «Всеавгустейшей, державнейшей, великой государыне, императрице Устинье Петровне, любезнейшей супруге моей, радоватися желаю на нещетные леты!»

И вновь из материалов музея «Корелы»: «Перед тем как отправить красавицу Устинью, слава о красоте которой дошла до императрицы, Екатерина Вторая захотела взглянуть на неё. Имеется свидетельство, что когда императрица осмотрела яицкую красавицу, то заметила окружающим: “Она вовсе не так красива, как прославили”».

О женщины! Великая царица, переписывающаяся с Вольтером, Дидро, прозванная современниками «философом на троне», не в силах была удержаться, чтобы не восторжествовать над юной казачкой с берегов далекого Яика! Нет, не была унижена Устя, а вот императрица проявила слабость. Что думала в тот момент Устинья, заробела ли при виде бриллиантовых звезд, лент и кружев, или гордо отмечала про себя морщинки на лице стареющей Екатерины, заметные даже сквозь густо наложенные румяна?..

А потом арестантам предстоял неблизкий путь от Москвы до Выборга. На двух подводах – арестанты, на четырех – конвой. Представлены «государственные преступники» выборгскому генерал-губернатору Энгельгардту – и в Кексгольм, куда они прибыли 24 января 1775 года.

Главная башня крепости стала называться «Пугачёвской». Правда, самим членам семьи «бунтовщика и государственного злодея» «было запрещено называться его фамилией». Специальным указом предписывалось «сказываться только именами и отчествами». Целыми днями узники работали в крепости, не выходя за её пределы. В высшие инстанции ежемесячно посылались отчеты об их поведении: «ведут себя исправно».

Документы музея «Корела» говорят, что в связи с 25-летием царствования Екатерины II был объявлен манифест «О дарованных от Её Величества народу милосердиях, распространяющихся на различные состояния подданных». 12 июля 1787 года комендант Кексгольмской крепости премьер-майор Яков Гофман получил указ из Выборгского наместничества с предписанием составить ведомость: «ежели есть в городе Кексгольме подходящие к освобождению». В списке из Кексгольмской крепости были предложены и Пугачёвы. «Её Величество высочайше повелеть соизволила: всем тем арестантам остаться на прежнем положении».

Вот такая жизнь! Изю дня в день, из года в год видеть одну и ту же мрачную башню. Неделя, другая... десятая, год, второй, второе десятилетие... Даже сегодня эта башня, вросшая в землю, выглядит неприветливо. А каково же было там безвинным арестантам?.. За какую провинность были обречены на пожизненное заточение дети Пугачёва, Софья Дмитриевна?..

15 мая 1802 года Александр Первый подписал «Реестр тем людям, коих комиссия полагает оставить в настоящем их положении». Не помилованных оставалось 115 человек. После номера 47-го шел подзаголовок: «Участвовавшие в бунте Пугачёва» и под номерами с 48-го по 52-й перечислялись жены и дети Пугачёва.

2 июня 1803 года император обозревал Кексгольмскую крепость. Видимо, дрогнуло его сердце, и он «высочайше повелеть соизволил содержащихся в крепости жен известного Емельяна Пугачёва с тремя детьми... из-под караула освободить с тем, чтоб из оною никуда не отлучались, имея при том за поступками их неослабное смотрение».

Устинья Кузнецова умерла 18 ноября 1808 года, хоронили «по долгу христианскому». Ей был всего пятьдесят один год... Какой она была, проклинала ли свою судьбу или покорно несла свой тяжкий крест? Все свои тайны она унесла с собой.

Так что ни в Кексгольме, ни тем более в Гурьеве Александр Сергеевич не мог в 1833 году встретиться с «крестьянской царицей».

Кратко о судьбе её близких. Отец – Пётр Михайлович. При допросе в Оренбургской секретной комиссии он дал подробные показания о сватовстве Пугачёва, венчании и свадьбе. При этом заявил, что сам он будто бы не был рад, «плакал горько о том, что она еще молодехонька и принуждена итти замуж неволею...». Пётр Михайлович умер в Оренбургском остроге в июле 1774 года.

Мария Петровна – сестра Устиньи и её муж казак Семен Шелудяков также были арестованы и с партией колодников-Пугачёвцев отконвоированы в Оренбург, где привлечены к следствию. В повстанческом движении Шелудяков не участвовал и даже тайно информировал командование осажденной в городе крепости о положении в Пугачёвском лагере. Шелудякова доставили в Москву. Благодаря ходатайству атамана Уральского казачьего войска полковника М. Бородина Шелудяковым удалось избежать ссылки в Прибалтику. 11 марта 1775 года тайная экспедиция сената вынесла определение об освобождении их из заключения и разрешении возвратиться к месту постоянно проживания. Мария Петровна умерла приблизительно в 1776 году.

Теперь вернемся в музей Пугачёва в Уральске. Старый дом Кузнецовых имеет свою историю и после Пугачёвского бунта. Когда Устинью увезли в Кексгольм, дом заколотили и поставили охрану, и долго он стоял заколоченным... От кого или от чего охраняли пустой дом?.. Наверное, власти боялись самого духа смуты, вольнодумия, неподчинения. В самом деле, сколько раз до этого и сколько раз после полыхали здесь бунты!

После революции 1917 года этот дом был отдан под жильё... Мне рассказывали, что здесь жили семьи Халеловых, Джикбаевых... Очень смутно помню, что мне самому довелось в самом раннем детстве бывать здесь, даже пить чай у гостеприимных хозяев... Вот бы спросить, не являлись ли сюда тени тех, кто думали не только о своем личном счастье, личной свободе, но и мечтали подарить их каждому?..

Некоторое время в доме располагалась библиотека имени Емельяна Пугачёва (хорошо придумано было, да если учесть, что сам Пугачёв в грамоте был не шибко силен).

В музее стоит железная клетка – в такой везли бунтаря. На стенах висят фоторепродукции со станковых листов Альберта Гурьева. В свое время музей заказал их художнику, и они находились здесь, теперь только крохотные копии, на которых рассмотреть практически ничего невозможно. Здесь же и старинная прялка, не за ней ли сидела долгими февральскими вечерами, поджидая Пугачёва, Устя?..

Интересно посидеть на «троне», кресле, изготовленном без единого гвоздя. Подлинность того, что в нем сидел Пугачёв, не доказана, но это вполне могло быть – кресло восемнадцатого века.

А вот кровать. Оказывается, она походная, разборная. Кровать легко складывается, перевозится на верблюдах или лошадях... Чтобы батюшке

царю было удобно почивать. Но почему кровать походная?.. Наверное, потому, что Пугачёв не собирался ограничиваться Яиком, мерещились ему кремлевские палаты, дворец над широкой Невой...

Совсем неподалеку от дома Кузнецовых под яром плещут волны Урала, как будто рассказывают о чём-то далеком, почти забытом. Постоишь немного на этом продуваемом всеми ветрами берегу, и начинает казаться, что к негромкому разговору нашей реки присоединяется и голос далекой Ладogi.

* * *

Пушкинская тема неисчерпаема... В начале восьмидесятых я познакомился с Альбертом Гурьевым, художником-графиком. Ему пушкинские секреты малоизученной поездки поэта в Уральск не давали спокойно спать. Он зачастил в наш город, и его тогда можно было встретить на Большой улице, чернобородого, колоритного. Он подмечал самые мелкие детали (звонкие, стальной крепости, кирпичи, из которых сложены вековые стены, кружево чугунных решеток, основательные, кряжистые дома с подклетами); кому, как не Альберту Анатольевичу, знать, что именно детали придают особую прелесть произведению. Но расскажу по порядку...

Пушкиниана Альберта Гурьева

Довольно много лет назад мне в руки попал солидный двухтомник, заключенный в картонный футляр – «Пушкин в портретах», подготовленный московским издательством «Советский художник». Напечатан двухтомник был на прекрасной бумаге, тиражом 50 тысяч, что для того времени было совсем немного. Это сегодня тиражи исчисляются сотнями, да и они невостребованным грузом лежат на полках книжных магазинов (конечно, если это не детективы, фэнтези, мистика – вся книжная жвачка сегодняшнего дня).

В двухтомнике, естественно, были портреты Пушкина, рисунки, акварели, изображавшие Александра Сергеевича, фотографии скульптурных изображений поэта.

Надо представлять себе, что специализированное издательство «Советский художник» было в те времена весьма авторитетным, и напечатать свои работы в нём было лестно любому художнику. Иначе говоря, подобные издания обеспечивали авторам помещенных в них работ известность, до некоторой степени – всесоюзное тогда признание.

Автор сборника – Екатерина Павлова – в предисловии отмечала, что «трудно назвать имя русского, советского художника, который бы в своем творчестве не обращался к образу Пушкина». То есть надо было понимать, что под этими обложками собралась хорошая компания. Я открыл книгу и принялся листать: Кипренский, Тропинин, Айвазовский, Ге, Репин, Серов, Кончаловский, Коненков, Петров-Водкин, – со странички на страничку побежали с детства знакомые образы великого поэта. Привычные, классические, на большинстве из них Александр Сергеевич задумчив, серьезен, на челе печать гениальности, я сказал бы даже – отрешенности от всего земного. Даже на изображениях, сделанных Брюлловым и Галактионовым, передающих атмосферу известного обеда у издателя Александра Филипповича Смирдина (кстати говоря, Брюллов сам был на этом обеде), Пушкин как бы выделен – он и в центре изображения, куда фокусируется взгляд, и как-то значительнее прочих (может, мне только кажется), и, несмотря на известную фривольность обстановки, выглядит классиком, даже чуть-чуть бюстом самому себе. А ведь на том обеде «пировали шумно, острили, шути-

ли, каламбурили...». Пушкин, говорят, «был как-то особенно в ударе», «острил преловко» и «много смеялся».

Но таковы были традиции изображения великих людей. До самого конца прошлого века я всего раз или два видел изображение Александра Сергеевича, где он был ростом (как можно!) ниже собственной жены.

И вдруг в череде пушкинских ликов мелькнул один совершенно необычный, во всяком случае, для меня. Графический Пушкин был легок, светел, а главное, жив. Ощущалось, что он подвижен, быстр и даже задорен, хотя работа называлась «Смерть поэта». Это была иллюстрация к стихотворению Лермонтова. Пушкин, убитый злодейской пулей красавчика-Дантеса, на гравюре продолжал жить, и, кажется, готов был рассмеяться в лицо ничтожному волоките за чужими женами.

Автором поразившей меня работы был Альберт Гурьев, алма-атинский график. Иллюстрация была датирована семьдесят шестым годом, и это было тем более удивительно, потому что в те годы Пушкину было «позволено» только обличать царизм, жить и дышать наперекор Бенкендорфу, ненавидеть свет и писать исключительно во глубину сибирских руд. Пушкин должен быть памятником, а здесь он ожил...

Иконография Пушкина очень богата, есть даже огромная филателистическая пушкиниана, жизнь поэта – и до рокового тридцать седьмого, а особенно после, тысячи раз подвергалась графическому, если можно так сказать, осмыслению. И в этом ряду созданы прекрасные произведения. Мне, например, нравится «Пушкин в парке» Валентина Серова. Мне кажется, что художнику удался наиболее точный психологический портрет поэта.

Но гурьевская графическая пушкиниана для меня на особом месте. Может быть, потому, что тема, к которой обратился график, близка мне с детства, которое, можно сказать, прошло в тени Атаманского дома, в котором в 1833 году останавливался в Уральске Пушкин? Или потому, что многое из того, что изобразил художник на своих автоцинографиях, прекрасно мне знакомо – и Старый собор, и дом, где жила «крестьянская царица» Устинья Кузнецова?.. Вообще-то всегда нелегко объяснить, почему нравятся работы именно этого художника. Всё-таки наши вкусы субъективны, и, наверное, не в последнюю очередь потому, что нам становятся известны жизненные обстоятельства художника, повлиявшие на его творчество, вообще миропонимание. Мы познакомились с Альбертом Анатольевичем примерно в то же время, когда я впервые увидел его первую «пушкинскую» работу. Я поражаюсь работоспособности Гурьева, умению несколькими всего линиями передать настроение, характер... Его работы, кроме уже упоминаемого двухтомника, представлены в объемной энциклопедии «Графика Советского Союза». 32 работы художника находится в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве, 26 – в Санкт-Петербурге, в музее-квартире поэта на Мойке, более двадцати – в Уральском краеведческом музее и Центральном государственном музее РК. И это только те, что посвящены Пушкину.

По свидетельству поэтессы, журналистки Любви Шашковой, публиковавшей в «Просторе» интервью с художником о его пушкиниане, Евгений Сидоркин считал Гурьева лучшим казахстанским книжным графиком.

А в начале восьмидесятых, когда еще на имени графика не было этого академического флера, его мастерская иногда напоминала мне некий пушкинский музей. Изображения поэта можно было найти на столе, стеллажах, даже антресолях. Конечно же, Альберту Анатольевичу принадлежат многие десятки других замечательных работ, например, он иллюстрировал «Боже-

ственную комедию» Данте, но для меня Гурьев, прежде всего, «живописец» великого поэта.

Судьба у художника непростая, примечательная. Впрочем, кто из творческих людей может сказать о себе иначе?

Родился он в Архангельске в год, ставший для судьбы страны особым, – тридцать седьмой. Детство, прошедшее там, где каждый камень – говорит, да что там – кричит о славной истории края, не могло не отразиться на творческой биографии художника.

Альберту еще не исполнилось четырех лет, когда началась война. И вскоре уже в Архангельск и Мурманск стали приходиться знаменитые английские конвои PQ. Уже с 30 июня над городом стали кружиться фашистские самолеты. А в августе 1942 года начались массированные бомбардировки Архангельска; враг стремился уничтожить конвой PQ-18. В ходе этих налетов только за несколько дней августа и сентября были сброшены многие тысячи бомб. В результате этих налетов погибали люди, разрушались, горели дома, промышленные предприятия.

В одну из ночей – 25 августа 1942 года на город Архангельск был совершен особенно жестокий налет. В нем участвовало более сорока самолетов «Юнкерс-88» и «Хейнкель-111», которые шли семью последовательными эшелонами. Первая группа самолетов сбросила на город зажигательные авиабомбы, а последующие группы самолетов сбрасывали фугасные и зажигательные бомбы. Всего, по некоторым данным, на город было сброшено в ту ночь 3000 зажигательных бомб и десятки фугасов. В результате бомбардировки были уничтожены многие жилые дома, склады. Убито и умерло от ран 60 человек, ранено более ста человек.

Альберт Анатольевич рассказывал, что в одном из разрушенных бомбами складов были бочки с повидлом. Эти бочки были разбиты взрывами, и их содержимое, пополам с пылью, лежало под ногами. Голод к тому времени был такой, что дети собирали с земли это повидло, и оно казалось лакомством. С тех пор Гурьев смотреть не может на такие сладости. Как, впрочем, не ест рыбы, которой почти всю войну питались, а вернее сказать – спасались от голодной смерти – северяне. Да еще десятки тысяч жителей Архангельска выжили благодаря промыслу гренландского тюленя в Белом море.

Всё это навсегда осталось в памяти художника, как и неповторимая красота Беломорья. Подумать только, в Архангельской области различных рек и речушек насчитывается около 70 тысяч (тысяч!) суммарной протяженностью 275 тысяч километров. Здесь многое поражает воображение – простор, щедрость этой земли. Если пойти по ягоду, то можно насобирать её целые корзины – морошку, бруснику, голубику; если отправиться на рыбалку, то не мешает знать, что море, реки и озера богаты рыбой – треска, морской окунь, камбала, а особенно ценна семга; если посмотреть из окошка вертолета, то глаз не сможет окинуть море тайги – суровое северное приволье...

А разве может забыть художник тот случай, когда он был на пленэре и захотелось ему полакомиться ягодой? Он принялся собирать ягоду – ах, как вкусна она на севере! И не сразу заметил, что за ягодой он пришел не один. Рядом с ним возился в кустах медведь! Человек и зверь увидели друг друга и, одинаково испугавшись, бросились в разные стороны.

А однажды он вместе с женой – Нелли Дмитриевной – был на озере Каска, и они заблудились. Альберт Анатольевич пошел искать дорогу, а жена присела отдохнуть на поваленное дерево. И вдруг видит – щенки. «Как далеко от города забрались собаки!» – подумала она. Невдомек было городской

жительнице, что они набрали на волчье логово. Вернувшийся Гурьев ужаснулся, и пришлось им бегом убираться от опасного места.

Как все эти впечатления сплелись, переплелись в сознании художника? Как выкристаллизовался его талант, почему пушкинская дорога стала и его путем? – наверное, и сам Альберт Анатольевич ответить не сможет. Книжки ли натолкнули, природная любознательность, нелегкий быт, чудесная северная природа, а может, сыграло свою роль и то, что долгое время проживала в Архангельске праправнучка Пушкина – Ирина Евгеньевна Клименко-Гибшман, портретный набросок которой он сделал? Так это или нет, но в ряду примечательных работ мастера его пушкинский цикл особенно замечателен. Начат он был еще в 1974 году. Любовь Шашкова, исследовавшая творчество графика, считает, что он стал художником благодаря своей страсти к путешествиям, унаследованной от предков-поморов, бороздивших моря и океаны. Еще школьником в родном Архангельске будущий художник выискивал журналы с путевыми зарисовками Ореста Верейского и Виталия Горяева. Творчество этих замечательных книжных графиков, может быть, послужило стимулом к собственному творчеству. Потом он побывал в Индии, Италии, Румынии, Болгарии, Франции и привез оттуда альбомы художественных впечатлений. Он объездил почти весь Советский Союз. С необыкновенной, казалось, легкостью он поднимался с места. Я помню, как приезжал он в Уральск, я еще тогда подумал: а как же иначе, ведь в Уральске бывал Пушкин! Но как же я был удивлен, когда узнал, что наш город – только пункт в затеянном художником большом путешествии по маршруту Санкт-Петербург (тогда – Ленинград) – Царское село – Псков – Михайловское – Болдино – Уральск – Оренбург... Поистине пушкинская дорога!.. А ведь он отправлялся не просто глазеть по сторонам – работать! Соприкоснуться с чудом по имени Пушкин. Даже сегодня непросто организовать такую поездку (говорю об этом со знанием дела, потому что спустя двадцать лет после Гурьева мы с коллегами и друзьями почти повторили этот маршрут на автомобиле).

Но всё же главным своим занятием Альберт Анатольевич считал книжную графику. Еще будучи студентом, он иллюстрировал книжки для издательства «Молодая гвардия». Потом в течение нескольких лет он иллюстрировал Саади, Уитмена, Беранже, Мицкевича, Лорку для «Библиотеки великих поэтов», выходившей в издательстве «Жазушы». Затем наступил черед Данте с его «Божественной комедией».

Но сегодня речь о пушкиниане Гурьева. Когда я познакомился с другими листами серии, то не сразу понял, что художник в каждом из них не только изобразил событие, не только оживил давно прошедшее, он сумел передать и самые тонкие нюансы того времени. Бунтовщик Пугачёв у него как бы и не совсем донской казак, запаливший огонь беспощадной крестьянской войны. Восьмидесятилетняя казачка говорит Пушкину: «Грех сказать, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал». Казака Пьянова поэт просил рассказать, как Пугачёв был у него посажёным отцом. Пьянов сердито, с достоинством отвечал (и именно этот момент передан на гравюре): «Он для тебя Пугачёв, а для меня он был великий государь Пётр Фёдорович».

Яикская вольница всегда была чуть-чуть не согласна с государями, да и не чуть-чуть. Сколько раз пытались усмирять этот непокорный дух, но до сих пор можно услышать: «А может, и взаправду это царь был?...» Пушкин пишет в «замечаниях» к «Истории Пугачёва»: «Весь черный народ был за Пугачёва. Духовенство ему доброжелательствовало...»

Вот эта атмосфера точно передана в автоцинкографиях Гурьева. И еще в них каким-то таинственным образом проникла необыкновенная любовь к своему краю тех, кто проживает на берегах Урала. Вот гравюра «Яицкий городок в конце 18 века». Конечно же, на яру стоит знаменитый Старый собор, на реке казаки на своих легких бударах, а снизу листа текст: «Яик ты наш Яикушка, Яик сын Горынович! Про тебя, про Яикушку, идет слава добрая, про тебя, про Горыныча, идет речь хорошая. Золоченое у Яикушки его было донышко»... Так обращались к реке те, кто родился на её берегах.

Наверное, невозможно не влюбиться в эту образную яикскую речь, в эти чудесные места. Сорок лет своей жизни посвятил собиранию, изучению местного фольклора уральский ученый Евгений Иванович Коротин, его книжки стали настольными у многих уральцев, да и не только у них. Вот только несколько строчек из собранного им сокровища:

*Как Яик-то наш, всё Яикушка,
Он бежит, бежит наш быстрехонек,
Выпадаил он в море синее,
А на синем море часты острова...*

Не «впадал», не «падал», не «выпадал», а именно так – «выпадаил». Обратно, самобытно, так и льнет слово к устам.

Изучению истории края, художественному её осмыслению посвятили жизнь многие ученые, писатели, художники. Не могу не упомянуть об огромном, подвижническом труде Нестора Малечи. Нестор Михайлович (1887–1979) четверть века своей жизни отдал на создание уникального «Словаря говоров уральских (яицких) казаков». В нём собрано более 26 тысяч слов, он показывает бесценное богатство народной речи. Нестор Михайлович, по сути дела, работал в стол. В советское время его труд не мог быть напечатан. Тридцать лет дождалась рукопись своего издания. Эта история заслуживает отдельного рассказа. Скажу только, что 3419 страниц машинописного текста удалось разыскать, подготовить и издать уникальный четырехтомник. Он издан в Оренбургском книжном издательстве. Приведу несколько примеров из словаря: «бодага» – бодливая корова; «болтовство» – пустой разговор, болтовня; «воруха» – разбойница, бунтовщица; «двойнуха» – ребенок-близнец... Нельзя не почувствовать самобытности этой речи, её необыкновенного вкуса!.. Альберт Анатольевич не случайно свои гравюры «дополняет» образцами этой речи. На листе «Манифест» тоже надпись: «Будете мною, великим государем, жалованы: и казаки, и калмыки, и татары... И жалаваю я вас рекою с вершины до устья...» Не было ничего ценнее для жителей Яика этого жалования.

Вообще, введение текста – это прием, позволяющий художнику как бы «озвучить» свои работы, придать им неповторимый яицкий колорит. И он вполне оправдан. И вот что еще интересно: в автоцинкографиях высвечены не только яркие моменты пушкинского космоса, истории Пугачёва, но, странным образом – уверен, что не специально, – они интернациональны. И не потому, что на них изображены русские, киргиз-кайсаки, калмыки, татары, не потому, что Пушкин на этих листах находится на Яике, в Уральске. Наверное, потому, что интернационален сам дух свободы, которым пронизано всё творчество Пушкина (совсем не случаен его интерес к Пугачёву). И этот дух не мог не проникнуть в работы художника. Вот и историк, краевед Жайсан Акбай в своей книге «Казахская Пушкиниана» приводит несколько гравюр Альберта Гурьева. Видимо, и ему они кажутся созвучными с его работой. Он пишет: «Со-

бирая материалы по истории Пугачёвского восстания, поэт интересовался жизнью казахского народа, песнями, преданиями казахов. Подробно познакомиться с бытом, культурой казахов Пушкину помог Даль – знаток всего того, что нужно было знать поэту о казахах».

Открываю еще одну работу Гурьева. «Пушкин и Даль по дороге в Уральск». Литературоведы, ученые всё еще спорят по поводу этой поездки – ездил ли Владимир Даль с Пушкиным, но, наверное, замысел художника иной – не разрешить давний спор пушкинистов, а посадить в одну коляску двух творцов – будущего автора знаменитого словаря и гениального поэта. Образно говоря, колеса русской словесности совсем не редко оказываются на просторах великой степи.

Альберт Анатольевич не раз обращался к этой теме. Его иллюстративные серии («Идиот» Достоевского, лирика Саади и другие) прекрасно соседствуют с листами из серий «Саки-тиграуды» и «Песни казахских воинов-жырау», портретный цикл «Казахстан интернациональный» – с большими циклами иллюстраций к антологии казахской древней поэзии «Алдаспан» и «Акберген».

И всё же для многих почитателей творчества Гурьева он прежде всего художник, значительно раскрывший для нас пушкинский необъятный мир.

Наверное, стоит сказать и о том, что Пушкин, пушкинская тема в свое время спасли Гурьева как художника, вырвали его из тисков творческого кризиса. А всё произошло после того, как он проиллюстрировал «Божественную комедию», перевод которой на казахский язык выполнил Мукагали Макатаев. Книга была объявлена формалистической, редактора уволили, поэта перестали печатать, графика отлучили от издательств. Утешало одно, что он попал в компанию таких «изгоев», как Эрнст Неизвестный и Юрий Селиверстов. Он занялся монументальным искусством – до тех пор, пока в издательстве «Жазушы» не была задумана серия «Классики русской литературы» на казахском языке. Тогда поняли, что лучше Гурьева с оформлением никто не справится. И он с удовольствием принялся за работу. Он иллюстрировал переводные издания Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Толстого, Достоевского, Чехова и других.

Но началом этой серии был Пушкин, двухтомник избранных стихов и прозы. И эта работа избавила художника от творческого кризиса, вдохнула в него новые силы.

Художник объяснял, что сам великий поэт пожаловал к нему во сне и посоветовал ввести в графические листы рисунки, сделанные Пушкиным на полях своих рукописей. Так что получился симбиоз эскизных рисунков, абрисов, заметок самого поэта и гурьевского толкования, понимания его стихов и прозы.

Альберт Анатольевич говорил:

– Мы как бы породнились. Я иногда к одному стиху делал несколько десятков вариантов рисунка, и только потом выбирал тот, который мог бы понравиться поэту.

Примерно в это время Альберт Анатольевич получил приглашение от Уральского историко-краеведческого музея сделать серию портретов выдающихся людей, посетивших эти места. И тогда у него и родилась идея цикла «Пушкин в Уральске». Идея была принята. Художник приехал в Уральск, сделал множество зарисовок исторических мест. В работе помогало и то, что он трижды был в Святогорье, объездил пушкинские места.

«Осада крепости», «У дома атамана Михаила Толкачева», «Портрет Пугачёва», «Свадьба», «Допрос», «Перед казнью» – вот только некоторые названия

листов, и они говорят о кропотливой, вдумчивой работе, для которой простого желания очень мало, нужна любовь к Пушкину... И еще нужна историческая достоверность. Гурьев совершенно объективен. Как и сам Пушкин, который у старых казаков расспрашивал и о звериной жестокости самозванца.

Ну и, конечно, для этой работы нужно было знать иконографию Пушкина. Художник даже соотносил свои рисунки с посмертной маской поэта. В одном из своих интервью прессе он рассказывал о технике выполнения работ:

– В станковых работах я соединял по три сюжета воедино: в середине листа – основная тема, а по бокам – дополняющие её изображения. А техника такая: сначала была литография, но в этой технике поэт мне самому не понравился. Отпечаток времени есть, а стиль подачи не пушкинский. Легкость, динамичность, лаконизм – вот что присуще Пушкину, и я нащупал адекватную им технику. Это разновидность офорта – “сухая игла”, когда, минуя травление, ты сразу режешь на цинке. Линия в этом случае выходит особенно живой, пушкинской...

Перед «гурьевскими» листами трудно избавиться от ощущения, что их герои тоже как бы вглядываются в нас, словно ища если не сочувствия, то хотя бы простого понимания. Вот главный «злодей», заросший бородой, с пронзительным, жгучим взглядом. За его спиной казаки, лес пик, частокол виселиц с казненными офицерами. Не этот ли эпизод пушкинской истории Пугачёва воспроизведен: «...крепость была взята. Комендант, майор Веловский, несколько офицеров и один священник были повешены...»? Или этот: «Начальники были захвачены. Билову отсекали голову. С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны. Жену его изрубили... Вдова майора Веловского, бежавшая из Рассыпной, также находилась в Татищевой: её удавили. Все офицеры были повешены»?

И всё-таки беспощадный Пугачёв на офорте просит у нас: судите беспристрастно, вспомните о жестоких притеснениях простого люда, о неимоверных трудностях жизни народа с одной стороны и вызывающую роскошь, высокомерие барства – с другой!..

Или еще офорт, на котором юный Гринёв не может выпустить из своих ладоней ручку прелестной Марьи Ивановны. Молодые люди, кажется, никого не замечают, сидя на деревянной скамье в капитанском жилище, кроме нас. Пётр Андреевич, быстрым взглядом, будто спрашивает: достоинство, великодушие, любовь – всё еще в чести? Как в пугачёвские, пушкинские времена, когда верили честному слову, когда женщине целовали руки, когда подлецов вели к барьеру?

...К сожалению, больше не пополнится пушкиниана Гурьева. Это грустно. Но его работы с нами – и наша надежда, что им суждена долгая жизнь.

